

ЗВЕЗДА

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

45

ОРГАН ЛЕНИНГРАДСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ №10—11

ИЗ ПРОШЛОГО

Д. С. Лихачев

ПСКОВ

1

Древний Псков — город-крепость. Псковская земля — страна-крепость. Всею своею тысячелетней историей Псков служил защите Русской земли от натиска с Запада. И своим внутренним устройством, и своим географическим положением на пересечении важнейших путей, и самым характером своей культуры Псков был подчинен этой единой цели. Он весь в этом. В этом его существо.

Владения Пскова тянулись узкой полосой с севера на юг — от реки Наровы к верховьям реки Великой, поперек движению немцев на восток, представляя собой как бы оборонительный вал Русской земли. Сам Псков отстоял от «немецкого рубежа» всего в 40 верстах, а вторая по силе псковская крепость Изборск — всего в 10.

Сюда, на окраины Руси, поближе к боевым тревогам пограничной земли, обильно прилиvalo русское население.

Вся Псковская земля отличалась густотою населения, многочисленностью крепостей, селений, монастырей, обнесенных крепостными стенами, развитою торговлей и богатым земледелием.

В XV—XVI вв. Псков был одним из самых больших городов в Европе. Иностранцы говорили о Пскове как о втором по величине после Москвы города России. Один из секретарей короля Стефана Батория так записал в своем дневнике в 1581 г. впечатление от Пскова: «Любуемся Псковом. Господи, какой большой город! Точно Париж».

В пределах России не было города, который мог бы равняться со Псковом в длине и мощи своих оборонительных сооружений. Сохранившаяся сейчас часть стен древнего Пскова превышает протяжением 9 километров. Вторые по величине в России стены Смоленска имеют всего лишь 4 километра.

Военный инженер И. Ф. Годовиков сделал в середине XIX в. попытку подсчитать тот колоссальный труд, который пошел на устройство крепостных сооружений Пскова, не считая ремонтов и переделок. Вот эти цифры. На устройство стен пошло материалов: плиты 58 333 куб. саж., извести гашеной — 12 550 куб. саж., песку речного — 12 500 куб. саж., воды — 500 000 сорокаведерных бочек, бревен трехсаженных, шестивершковых — 49 338 штук, досок трехсаженных для крыш башен, стен и переходов — 54 670 штук. Рабочих было занято (в человекоднях): каменщиков — 362 670, штука-

туров — 19 817, плотников — 17 208, пильщиков — 59 278, чернорабочих — 398 897, возчиков: с одноконными подводами для подвозки воды и материалов — 688 289. На предварительных работах по заготовке материалов было занято: камнеломов — 1 986 864, дровосеков — 99 112, рабочих, пережигавших известь, — 62 498, перевозка бревен, плиты, дров и воды и кладка печей для выжигания извести заняла 683 950 человек, возчиков с одноконными подводами работало 429 596. Всего около 6 миллионов человекодней и более миллиона лошадей!

За этими грандиозными стенами, по словам Поссевина, Псков был «битком набит» деревянными зданиями. Вундерер, бывавший в России в 1590—1591 гг., свидетельствует, что в Пскове было 41 000 домов, а по данным писцовых книг в нем было около 1300 лавок.

Время наибольшего натиска с Запада в XIV—XV вв. было вместе с тем и временем наибольшего роста Пскова. За 200 лет Псков вырос в несколько раз. В конце XIII века стенами было обнесено немного больше 40 000 кв. м, а к 1465 году в Пскове было обнесено до 1 700 000 кв. м.

Так же густо была населена и вся Псковская земля. Чем сильнее был натиск немцев, тем обильнее приливало сюда русское население, тем многочисленнее становились крепости — «пригороды» Пскова. В 1330 г. были построены каменные стены Изборска, под 1341 г. впервые упомянут Остров, в 1364 г. построен Красный, в 1414 г. — Опочка, в 1431 г. — Гдов и Выбор, в 1462 г. — Кобыла и Володимерец, под тем же 1462 г. впервые упоминается Воронич, а под 1471 г. — Дубков, в 1476 г. был построен Вышегородок. Эти «пригороды» Пскова были административными центрами своих округов, к ним тяготело окружающее население. В отличие от замков и крепостей средневековой Западной Европы, защищавших только феодалов и дававших им власть над окрестным населением, псковские крепостные сооружения строились для защиты всего населения от внешнего врага. Вот почему они были так многочисленны и имели такие обширные размеры.

Оборона городов, так же как и постройка и поддержание городских стен, была предметом забот всего населения. В 1482 г. жители Богоявленского конца Пскова заложили и через два года выстроили свою часть стены в Запсковье. В 1484 г. жители Кузьмодемьянского конца выстроили свои две части той же стены. Набор и снаряжение войска припасами также производилось всем населением «конец».

В церквях, служивших общественными центрами населения «концов» или улиц, хранились боевые припасы жителей. Так, например, в 1507 г. в приделе Кузьмодемьянской церкви взорвались «зелня (порох) всего конца». Представители населения концов участвовали при заключении мирных договоров, и в посольствах. В походах ратники от одной местности действовали вместе. Во главе кончан стоял свой воевода. Главный воевода всего войска назначался общегородским вечем.

Таким образом, Псков и его «пригороды» были живым воплощением стойкости и мужественного сопротивления русского народа своим исконным врагам. Более полутысячелетия сдерживал Псков ожесточенный натиск с Запада. Более 30 раз подступал враг к стенам самого Пскова. Но Псковская земля очень мало менялась в своих границах. Узкая полоса псковских владений, густо населенная и покрытая многочисленными крепостями, была как бы щитом, прочно утвержденным над всем северо-западом Руси.

2

Военный оплот Руси, Псков был и оплотом ее культуры. В архитектуре, в живописи, в литературе, в летописании, в самой политической мысли основной доминирующей силой Пскова было стремление к утверждению национальных традиций. Вся история Пскова — и политическая и культурная — представляла собою изумительный пример национальной стойкости.

Сочетание военных успехов с культурным подъемом — обычны в русской истории. Куликовская победа породила творчество Андрея Рублева и рост московского зодчества, летописания, исторической мысли. Следствием Полтавской победы явился «успех народного преобразования», когда «европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы». ¹ Победы 1812—1814 гг. открыли собою величайшую, Пушкинскую эпоху русской культуры.

Так же точно обычно в русской истории сочетание долголетнего, систематического напряжения военных усилий с творческим подъемом и утверждением своей своеобразно-русской национальной культуры. Так было в Москве, неумолкаемые военные тревоги которой породили ее политическое и культурное возвышение. Так было и в Пскове, расцвет культуры которого падает как раз на те два века — XIV и XV, когда особенно жесток и упорен был натиск на его границы немецких «рыцарей».

Псков наряду с Новгородом был самым крупным центром, в котором хранились в годы «томления и муки» злой татарщины великие культурные традиции Киевской Руси. Здесь знали и любили «Слово о полку Игореве». Сюда проникли и здесь сохранились переводные литературные произведения домонгольской эпохи. Галицко-волинская летопись в лучшем своем списке (Ипатьевском) была переписана именно в Псковской области. Псковичи вели и свою летопись, замечательную своим чисто народным, разговорным языком и живостью изложения.

В количестве уцелевших древних русских рукописей Псков не уступает Новгороду. Когда во второй половине XVII в. было положено

основание крупнейшему хранилищу древних русских рукописей и в Москву были доставлены 104 рукописи, — 86 из них оказались псковскими.

В XIV—XV вв. известно около 16 псковских монастырей, работавших над местной книгой (главные — Климентовский, Пантелеймоновский Дальний и Середкин), около 10 церквей в самом Пскове и 5—6 в Псковской земле. По именам известны 23 псковича, занимавшиеся перепиской книг. Псков выработал своеобразный институт «соборных старост», возглавлявших «соборы» — территориальные объединения псковского клира. Эти соборные старосты сыграли выдающуюся роль в расцвете псковской книжности. Именно они были главными жертвователями и заказчиками книг.

Характерно, что в Пскове ни монастырям, ни церквям никогда не удавалось замкнуть книжность в узкий круг богослужебных памятников. Просторечие, близость к фольклору, любовь к шутовой поговорке прорывается и в летописи, и в исторической повести, и даже на полях богослужебных книг. Писец-пскович не стесняется обратиться к читателю как к другу и товарищу. На полях своих книг он пишет о том, что он не прочь «поехати пит в Зряковици» (подгородное псковское село), что не плохо было бы сходить в баню — «полести мыт ся». Он жалуется, что устал от работы: «о святыи Пантелеймоне, поепеши, уже глаза спать хотять», «ох, мне! лихого сего попирия (похмелья): голова ми болить и рука ся тепеть», «ох, ох! голова ми болить, не мочи мя писати (писать), а уже ночь — лязмы спати». Писец жалуется на свои огорчения, пишет о своих недоумениях, и горько шутит над самим собой: «что кун то все в калите, что порт, то все на себе, удавился убожне, смотря на мене!»

Откликались писцы и на общественные события. Писец Демид сделал в Апостоле 1307 г. известную приписку о «бое на русьской земле» между Михаилом Тверским и Юрием Московским, с цитатой из «Слова о полку Игореве»: «при сих князях сеяшется и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша в князех которы и веци скоротышася человеком».

Эти сетования, шутки и недоумения писцов придают псковским рукописям характер живого и непосредственного отражения действительности, характер удивительной домашности и семейности, которая была так типична для Пскова в целом. Не случайно псковские князья, возбуждая псковичей к битве, всегда напоминали им о том, что все они близки друг другу как товарищи и родичи: «братие, не посраим отец своих и дедов, кто стар тот отец, кто млад той брат...».

Тот же характер исключительного демократизма, простоты, домашности, интимности, обыденной хозяйственной предусмотрительности носит и псковская архитектура. Сравнительно небольшие здания псковичей выстроены из мягких псковских известняков, не допускавших сложной обработки. Художественная выразительность псковской архитектуры достигается самыми простыми средствами. Украшения стен несложны и воздействуют на зрителя главным образом спокойной гладью стен, строгими пропорциями объемов. Сочетание монументальности с небольшими размерами, силы с интимностью, высокого искусства с простотой и полным отсутствием какой бы то ни

¹ А. С. Пушкин.

было манерности — составляет отличительную и вместе с тем очень русскую сторону псковского зодчества.

Псковские церкви тесно обстроены пристройками. Они служили не только для богослужения. Они были общественными и административными центрами «конца» или улицы. В них собирались организации уличан (жителей одной улицы). Они строились по-домашнему, с многочисленными хозяйственными помещениями. В подцерковьях или под звонницами хранились товары, располагались лавки, в них скапливались боевые припасы — порох и др.

Но псковская архитектура вовсе не примитивна. Псковские архитекторы были тонкими знатоками того, что сейчас называется «технологией материалов». В качестве опытных экспертов их приглашали в Москву. Они были лучшими каменщиками в XV и XVI вв. Внутренние конструкции псковских церквей, их планировка — удивительно разнообразны. Вне стен своего сурового города — в Москве, на Соловках, в Казани псковские мастера умело создавали грандиозные здания.

То же сочетание силы и жизнерадостности, исключительной простоты с изощренным мастерством характерно и для псковского изобразительного искусства: для прославленных псковских стенных росписей в Спасо-Мирожском монастыре XII в., в Снетогорском монастыре начала XIV в., в селе Мелётове середины XV в. Иконы Пскова XIV—XVI вв. хранят старые традиции русского искусства XI—XII вв. Иконописцы псковичи легко воспринимали новые темы искусства, шедшие с Запада, но претворяли их в крепкие формы национальных традиций, в своеобразном чисто псковском живописном мастерстве.

Простота, демократизм, мужественная суровость составляют важную черту псковского искусства, придавая ему особенно национальный характер. Но не только псковская книжность, архитектура, живопись насыщены этим национальным духом. Удивительно живописный, мягкий и обжитой пейзаж Псковской области есть такое же создание псковичей, как и их великое искусство. Пейзаж Пскова сложился исторически; тысячелетний земледельческий труд псковичей преобразил псковскую природу. Соха и топор изменили девственные леса, изменили самый рельеф почвы. С природой Псковской земли тесно связана и поэзия Пушкина. Пребывание в псковском имени — в селе Михайловском было для Пушкина временем глубокого утверждения национального начала. Пейзаж «Евгения Онегина» — пейзаж Тригорского и Михайловского. «Зимняя дорога», «Зимний вечер», «Роняет лес багряный свой убор» написаны именно здесь — в Михайловском. Голубая Сорочь — приток реки Великой — той самой, на которой стоит Псков, валы древнего псковского пригорода Воронича, Савкина гора, Святогорский монастырь, старые наезженные веками дороги, просеки, полуизгладившиеся остатки валов — дух тысячелетней русской истории витал над Михайловским и вдохновлял национальными темами поэзию Пушкина.

3

Стремление к национальному и самобытному отнюдь не было в Пскове безотчетным и стихийным. Псковичи сознательно стремились опереться на все национально-русское в своем

противодействии натиску врагов. Развитие летописания и интереса к русской истории, развитие фольклора и живой фольклорной стихии в книжности, интерес к литературным произведениям, созданным еще в Киевской Руси и в Москве, свидетельствуют о наличии у псковичей живого чувства единства со всей Русской землей в целом.

Очень рано, через голову Новгорода и других русских областей псковичи завязывают тесные связи с северо-восточной Русью, где идея единства Руси была особенно сильной. Сперва псковичи устанавливают прочные отношения с Владимирско-Суздальской Русью, а затем, в пору возвышения Москвы, и с этой последней. С 1399 г. псковских князей стал назначать московский великий князь. Эти князья приходили в Псков с сильными дружинами. Московский великий князь неоднократно поддерживал псковичей своим авторитетом в их переговорах с западными соседями. В 1480 и 1503 гг. мир псковичей с немцами был заключен самой Москвою. Псковские войска поддерживали Москву в ее борьбе с новгородским боярством, а в 1495 г. псковичи во имя общерусских интересов по приказу Ивана III начали войну с Швецией. Центр Руси — Москва — и ее самая отдаленная окраина — Псков — были связаны самыми тесными политическими узами.

Именно в этих жизненных связях Москвы и Пскова находит себе объяснение и тот факт, что Псков был воссоединен с Москвою значительно позднее остальных княжеств. Москва в первую очередь ломала сопротивление тех княжеств и областей, где центробежные и противодействующие силы были особенно крепки. Москва не видела в Пскове своего противника и соперника, так же как и Псков в Москве. Сильный самостоятельный Псков направлял свои усилия не на противодействие Москве, а на оборону своих границ от западных соседей. Вот почему присоединение Пскова к Москве совершилось позднее присоединения других русских областей, как естественное и логическое следствие всей предшествующей истории Пскова.

Псковичи и до присоединения к Москве и после него активно участвовали в строительстве единой национальной русской культуры. Псковские иконописцы работали в Москве. Псковские каменщики вели работы в московском Кремле, в Казани, в Свияжске, на Соловках. Типичные псковские церкви до сих пор стоят на берегах Волги.

Но не только псковские архитекторы и псковские живописцы принимали участие в общем подъеме культуры русского государства — замечательно, что именно здесь, на окраинах Русской земли — в Пскове, еще до воссоединения его с русским государством, была впервые четко изложена и знаменитая величественная теория Москвы как третьего Рима — последнего мирового царства. Именно здесь, в Пскове, создавалось представление о московском великом князе как о преемнике византийских императоров.

Старец псковского Елеазарова монастыря Филофей впервые выразил эту теорию в послании к московскому великому князю Василию III Ивановичу, а затем повторил ее в послании к псковскому дьяку Мисюрю-Мунехину — одному из образованнейших людей своего вре-

мени. В третий раз изложил свою политическую теорию Филофей в новом послании к Василию III.

Суть этой теории сводилась к следующему: в мире существует только одно христианское, богоизбранное государство, которое не может пасть до скончания века, — вечный Рим. Но Рим, по этой теории, — не неподвижный Рим, связанный с определенной территорией. Первый Рим пал, уклонившись в нечестие, потеряв чистоту христианской религии; второй Рим — Византия, — примкнув в Флорентийской унии к первому, был завоеван турками. Отсюда родилась мысль, что вечный Рим живет в новом государстве, оставшемся верным православию — в Москве, необычайно быстрый рост которой совпал по времени с гибелью Византии. Естественно, что роль, которую играл в Византии император второго Рима, как защитник церкви и глава всех христиан, с падением второго Рима переходила к главе третьего Рима — великому князю московскому. Соответственно титулу византийских императоров «святой», Филофей называет Василия III «освященная глава» и применяет к нему обычные титулы византийского императора: «браздодержатель святых божних церквей», «святыя православные веры содержатель» и др. Видя в

Василии III единодержавного главу всех русских областей, Филофей писал ему: «един православный русский царь во всей поднебесной».

Факт создания в Пскове политической теории, утверждавшей единодержавие московского государя, свидетельствует о том, что историческая закономерность объединительной тенденции формирующегося национального государства ясно осознавалась в Пскове. Проникнутая патриотизмом теория Москвы как третьего Рима в литературном оформлении псковского старца Филофея получила широкое распространение в Москве XVI в.

Захватив Псков, немцы безжалостно и с ожесточением его разрушали. Они грабили его музеи, взрывали древние здания Снетогорского монастыря (XIV в.), минировали Троицкий собор, церковь Василия на Горке XV в., до основания разрушили церковь Никиты-мученика, взорвали часть Поганкиных палат, пытались разрушить древние стены Пскова — свидетели его славы. Этот город был им особенно ненавистен и по своему прошлому и по своему русскому облику — такой живой и близкой нам простоты.

Восстановление Пскова — его древних зданий и стен — началось.